

Культура. 2000. 10-16 авг. - С. 7

Возвращение Островского

В Солигаличе открыта экспозиция портрета XVIII века

Десять лет продолжался ремонт со всеми обычными трудностями и сложностями. И вот, наконец, он завершился. В Солигаличе открывается музей. Это событие торжественное: художник Григорий Островский возвращается домой. Открытие творчества Григория Островского в середине семидесятых годов стало, по общему признанию, сенсацией в отечественном изобразительном искусстве. Директор Костромского музея изобразительных искусств Виктор Игнатьев, как-то осматривая запасы Солигаличского краеведческого музея, неожиданно наткнулся на старые холсты, поступившие сюда еще в начале двадцатых годов из какой-то помещичьей усадьбы и с тех пор никем не тронутые. Они находились в ужасном состоянии: черные от грязи и копоти, в трещинах и дырах, с осыпями красочного слоя.

Казалось, выбрасывать их нужно, но когда Виктор Яковлевич посмотрелся, то понял, что еле видимые изображения написаны мастерской рукой и принадлежат, несомненно, художнику самобитому, одаренному. Кое-где на обороте холстов значилось имя неведомого тогда никому живописца Григория Островского, а писаны картины были в 1770 – 1780 годах.

Игнатьев незамедлительно позвонил в Москву искусствоведу и реставратору Савелию Ямщикову, известному "открывателю" забытых талантов в провинциальных музеях. Тот приехал, и они снова осмотрели найденные портреты – их оказалось четырнадцать. Они требовали срочной реставрации. Поэтому Савелий Ямщиков вывез их в Москву, во Всероссийский художественный научно-реставрационный Центр имени академика И.Э.Грабаря. Опытные специалисты в течение нескольких лет провели трудоемкую, сложнейшую работу по спасению картин, по восстановлению их первоначального облика.

Затем по инициативе Савелия

Г.Островский. "Портрет Натальи Черевиной". 1774 г.

Григорий Островский писал только портреты, что было обычным для русской живописи XVIII века.

Но жанра они были преемственного – сочетание русской парсуны с вполне европейским портретом.

Ямщикова в Москве, Ленинграде и Костроме были проведены выставки произведений Григория Островского. Они прошли

с триумфом. Я помню огромные очереди в выставочные залы. О вновь открытом художнике появились книги, множество восторженных статей. А после того был успех в Париже и международное признание.

Так в отечественное искусство вошло новое имя. Несмотря на усиленные архивные поиски, о художнике мы знаем очень мало, почти ничего. Только предположения и догадки. Наверное, он вышел из мелкопоместных и обедневших дворян или духовного сословия. Где-то получил плохое общее и художественное образование. Прошел через иконописную мастерскую – отсюда, вероятно, и наименование – "иконописец". Потом становится домашним учителем рисования детей Черевиных в их имении Нероново, находившемся недалеко от Солигалича. Очевидно, там и остался до конца дней своих, ибо больше нигде его работы не обнаружены. Писал он только Черевиных и их соседей. Вот из Неронова его картины и пришли в начале 1920-х годов в Солигаличский музей.

Чем же привлекают картины

Григория Островского, чем они завораживают и специалистов, и простых любителей изящного? Писал он только портреты, что было обычным для русской живописи XVIII века. Но жанра они были преемственного – сочетание русской парсуны с вполне европейским портретом. В основном камерным, даже интимным портретом. Прежде всего это проявилось в милых и ласковых детских изображениях. Некоторая "серьезная" застылость лиц вполне окупается теплым, светлым, искренним чувством, добрым и сердечным отношением художника к своим персонажам.

А блистательное умение выписывать детали – камзолы, платья, кружева, пуговицы, банты, женские украшения – опять-таки наводит на мысль о хорошей, профессиональной школе. В этом он близок Боровиковскому, Левицкому, Вишнякову. Григорий Островский хорошо чувствует цвет, пластичность его и объемность, его музыкальность, если хотите. Кисть его свободна и мягка.

...После триумфа в Москве, Ленинграде и Париже картины Григория Островского хотели было оставить в Москве. Но закон встал на сторону владельцев, и они вернулись в Солигалич, куда, кстати, непросто добраться даже из Костромы. И снова Григорий Островский исчез из художественного и общественного обихода. О нем, пожалуй, сейчас и позабыли.

Как-то я вместе с Виктором Игнатьевым, недавно ушедшим из жизни, заехал в Солигалич, увидел картины Григория Островского в пустынном, полутемном зале бывшего храма, где размещался музей, – и мне стало грустно...

Лет десять назад церковные власти потребовали вернуть им храм. Музею предоставили новое здание еще дореволюционной, добротной купеческой постройки. Но его нужно было капитально отремонтировать, отреставрировать, приспособить под музейные экспозиции. На это время картины Григория Островского перевезли в Кострому, в музей-заповедник "Ипатьевский монастырь". И вот теперь художник возвращается на родину.

Евграф КОНЧИН